

Театр и фильм

«МАСТЕРА СЦЕНЫ»

МОСКОВСКИЙ Художественный театр — это самая блестящая страница в истории русского театрального искусства. О создателях Художественного театра, об актерах Художественного театра, о спектаклях Художественного театра написаны десятки книг, монографий, исследований. И все же для миллионов людей нашей страны Художественный театр — пока еще книга за семью печатями. Не сотни и не тысячи, а именно миллионы зрителей никогда не видели его спектаклей, никогда не слышали со сцены живого слова его мастеров. Поэтому нет нужды подчеркивать все значение и полезность фильма, который позволил бы донести это слово в самые отдаленные уголки страны, показать живого Станиславского, живого Москвина, живой кусок творческой жизни лучшего русского театра аудитории таких масштабов, о каких даже не смели мечтать его основатели. Полезность и значение такого фильма бесспорны — и для современников, и для потомков, и для дальнейшего развития всей советской театральной культуры.

Ныне этот фильм под названием «Мастера сцены» *) вытиснен на эк-

раны московских кинотеатров. Мы видим трех лучших и старейших мастеров МХАТ — И. М. Москвина, О. Л. Книппер-Чехову и В. И. Качалова в трех лучших и старейших спектаклях театра: «Царь Федор Иоаннович», «Вишневый сад» и «На дне». И с каждым кадром убеждаемся в правоте идеи, руководившей авторами этого фильма. Ведь жизнь сценических созданий недолговечна. Ни рассказы современников, ни портреты, ни зарисовки не смогут воспринести для нас великого искусства Шенкина или Ермоловой. Вот умер Москвин, и если бы не запечатлел кинообъектив одно из его лучших творений, что бы хранило бы в памяти потомков сценический образ Москвина — царя Федора? А сейчас мы видим живого Москвина в этой роли. И не оценивая, мы все же не можем не оценить всего значения работы, предпринятой нашими кинематографистами для сохранения лучших образцов русского театрального искусства для будущих поколений.

В этом смысле интересна и попытка запечатлеть на пленку мастерскую игру Книппер-Чеховой в роли Раневской и Качалова в роли горьковского Барона. Быть может для зрителей, видевших эти спектакли на сцене МХАТ, эпизоды фильма покажутся только кинохроникой памятных театральных событий, но для людей, никогда не бывавших в Московском Художественном театре, — это живая страница его творческой жизни, в какой-то мере раскрывающая силу и обаяние его искусства.

К сожалению, только в «какой-то», а далеко не в полной мере, и разговор о значении фильма отнюдь не снимает разговора о его качестве. Ведь качество документального свидетельства о том или ином явлении искусства всегда определяется тем, насколько глубоко и полно оно отражает это явление. Быть может с

этой точки зрения лучшим документом об искусстве Художественного театра был бы фильм, воспроизводящий один из его спектаклей полностью, без всяких купюр. Что даст, скажем, человеку, не читавшему «Войны и мира», одна, выхваченная наудачу, глава из романа? Она только раздражит читателя, оставит чувство неудовлетворенности, неполноты впечатления. Именно с таким чувством и смотришь фильм о мастерах Художественного театра. Разве эпизоды фильма с участием Москвина воспроизводят образ Федора, созданный им в спектакле? Конечно же, нет! Этот образ создавался в течение всего спектакля, от сцены к сцене, от детали к детали, от интонации к интонации. А то, что мы видим на экране, — только составная часть образа, эскиз к портрету, несколько ярких страниц из книги, которую нужно читать, не отрываясь от начала до последней строки.

В той же мере неполны в фильме и образы, созданные Книппер-Чеховой и Качаловым. Эпизод из «Вишневого сада» к тому же заснят, на наш взгляд, крайне неудачно: актеры играют без грима, в обычных житейских костюмах. Получается впечатление сцены, сыгранной не в спектакле, а в концертной программе. Авторы фильма слишком широко размахнулись, попытавшись в пределах полутрехчасового фильма механически воспроизвести три сценических образа, созданные тремя актерами в трех различных спектаклях. Никакой фильм, как его ни монтируй, не в состоянии выполнить этой задачи.

Каким может мыслиться фильм о Художественном театре? Конечно, полностью заснятый на пленку трех или четырехактный спектакль имел бы лишь чисто служебное, прикладное значение. Ценный, как документ, как учебно-педагогическое пособие, такой фильм был бы бесполезен с

точки зрения киноискусства, его художественных средств и задач. А создатели фильма, видимо, ставили перед собой и художественные задачи, ибо в подзаголовке картины ясно значится: «художественно-документальный фильм». На примере творчества трех мастеров МХАТ они пытались создать обобщенный образ театра, отражающий и историю его создания, и его творческий метод, и кровную связь его с драматургией Чехова и Горького, определившую его творческий путь.

И эта задача оказалась им не по силам. Немыслимо создать обобщенный образ театра на примере трех старых спектаклей, и едва ли возможно раскрыть его историю с помощью одного дикторского текста, отретушированных фотографий и пожелевших от времени афиш. Мало помогают и инсценированные воспоминания актеров: остается все то же впечатление неполноты и чувства неудовлетворенности. В фильме о Художественном театре есть три актера — пусть лучшие, пусть славнейшие, — но Художественного театра нет. Показан Станиславский, но нет Немировича-Данченко, отсутствие которого не могут восполнить ни портреты, ни дикторский текст (кстати, неужели в архивах кинохроники не нашлось ни одного кадра, когда-либо запечатленного одного из основателей Художественного театра?). Не представлен в фильме и такой старейший и замечательный мастер МХАТ, как Тарханов. Не показаны ни «второе поколение» театра, ни его молодежь. И даже участники тех сцен, какие засняты в картине, дикторский текст обходит молчанием, хотя имена многих из них известны всей стране.

Нам кажется, что при создании такого фильма был бы всего уместней чисто фрагментарный метод (опыт фрагмента со Станиславским, кстати говоря, это блестяще подтверждает). Вместо длинных отрывков из трех

спектаклей, все равно не воспроизводящих основного в них сценических образах, можно было показать серию перемежающихся эпизодов, создающих портретную галерею лучших творческих созданий театра. Ведь Москвин-актер — это не только царь Федор, это и Лука, и Хлынов, и Фома Опилкин, и советский адмирал из пьесы Крона. Ведь Качалов создал не только роль Барона, но и образ партизана Вершинина из «Бронепоезда». Ведь на сцене Художественного театра мы видели не только чеховских мечтателей о прекрасном будущем, но и вдохновенных творцов этого будущего. Так как же, создавая фильм о мастерах МХАТ, можно забыть о его последнем тридцатилетии? Ведь без советского периода, без своего сегодняшнего лица даже лучший наш театр — это только страница истории. А зритель хочет видеть на экране не историю, а жизнь.

Конечно, такой фильм не дал бы полного и исчерпывающего представления о лучших творениях Московского Художественного театра, но он показал бы его подлинное творческое лицо. Такого лица мы в фильме не увидели. Он ценен лишь тем, что означает, по сути дела, зарождение нового жанра в нашей кинематографии и при всех своих недостатках все же дает какое-то представление о замечательном искусстве выдающихся мастеров советской сцены. Но в дальнейшей работе над фильмами подобного жанра советские кинематографисты должны учесть все погрешности первого опыта.

Ал. Абрамов.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

г. Москва

1.0 ДЕК 46

*) «Мастера сцены» (МХАТ). Новый художественно-документальный фильм. Сценарий С. Владимирова и В. Юреня. Постановка В. Юреня. Режиссер Я. Купер. Гл. оператор Б. Петров. Композитор — лауреат Сталинской премии Б. Асафьев. Производство Московский орден Красной Звезды студии научно-популярных фильмов (1946 г.).